

Сталинская Ливадия

В октябре 1955 года отец отдыхал в Крыму, неподалеку от Ялты, на недавно построенной у самой кромки пляжа государственной даче № 1. Над ней, на высокой горе, рядом с дорогой, стоял Ливадийский царский дворец. Это поместье царь Александр II купил у графа Потоцкого, кажется, в 1862 году. Его сын, Александр III, построил там дворец, в нем он и умер. Дворец отошел Николаю II. Он считался не имперско-российской, а личной собственностью Романовых. Дворец показался Николаю II недостаточно престижным. Как известно, Александр III тратиться на себя не любил, даже мундир носил штопанный-перештопанный. На месте старого дворца, по проекту архитектора Николая Краснова, в 1910–1911 годах построили новый белокаменный Большой Ливадийский дворец. После революции его объявили общенародным достоянием и устроили в нем санаторий. По окончании Второй мировой войны Сталин дворец «приватизировал», превратил его в свою дачу, а своих ближайших сподвижников одарил соседними крымскими имениями. Воронцовский дворец в Алушке отошел Молотову, Юсуповский, если не ошибаюсь, Кагановичу. Они получили статус госдач, но не анонимных, а именных.

После нашего переезда из Киева в Москву Сталин благоволил отцу. Благоволил демонстративно. Так, летом 1950 года он предложил ему отправить нас – маму с детьми, отдыхать на его, сталинскую, дачу в Крым, в Ливадию. Такого благорасположения ни до, ни после не были удостоены ни Маленковы, ни Молотовы, ни Берии. Отец тогда почему-то поехать в отпуск не мог.

Дело было, видимо, в июле, только что началась война в Корее, и я страстно болел за «наших», ежедневно, до самого отъезда приставал к отцу с расспросами. Удовлетворяя мое любопытство, он дал мне карту Кореи с нанесенной на ней красным карандашом линией фронта. Она окружала тесным кольцом порт Пусан, на самом южном кончике полуострова.

Черное море я увидел второй раз в жизни. До войны, году в сороковом или тридцать девятом, мы ездили с мамой в Сочи. Запомнилось от тех времен немного: как мы сидели на небольшой терраске санатория, ожидая, когда солнышко «пойдет купаться в море», сочившиеся сладким соком вкусняющие груши «Дюшес», их рвали в соседнем саду с низеньких деревцев, да еще поразивший мое воображение диковинный круглый зеленый, пупыристый плод, величиной с теннисный мяч, но несъедобный. Теперь же я, уже «взрослый», пятнадцатилетний, упивался южными прелестями: прозрачностью неба, вечерними запахами остывающих от дневного зноя гор и раскрывающихся на цветочных грядках звездочек душистого табака. Над ними деловито парили бабочки-бразники, вверху в вечернем закате метались летучие мыши. И, конечно, море, тысячу раз описанное, ласково-прозрачное море.

Приземистый белокаменный построенный из известняка бывший царский дворец предназначался только для самого «хозяина», всех остальных, как и при царе, селили по соседству, в облицованном гранитом трехэтажном квартирном доме, свитском корпусе. В одной из его квартир, по-свитски шикарной, разместили и нас.

Жилье мне не запомнилось. Стандартная «правительственная» квартира, обставленная стандартной мебелью, мало отличалась от той, в которой мы жили в Москве. Вся наша жизнь сосредоточилась вокруг расположившихся довольно далеко внизу моря и пляжа. Пешком по крутой, обрывистой тропке бежать минут двадцать, а назад взбираться добрый час. Нас возили на пляж на машине, американском джипе-виллисе. В гараже дачи скучали разные автомобили, вплоть до паккардов, но и «хозяин», который отдыхал здесь лишь однажды, на пляж предпочитал ездить на виллисе. Его «гостей», естественно, тоже возили на виллисах.

Пляж огромный, пустынный, отгороженный от окружающего мира рядами колючей проволоки. В отдалении, за разделительной полосой располагался общедоступный, «дикий», пляж. В первые дни стоял штиль, и меня поразило обилие беловато-прозрачных желеобразных медуз у кромки воды, вперемешку с очень похожими на них, тоже беловатыми, длинными баллончиками, – использованными презервативами. Неподалеку от сталинского пляжа в море выходила ялтинская канализационная труба, и при «благоприятном» ветре ее выбросы подолгу болтались у кромки пляжа. Тогда на это никто не обращал внимания: ни охрана, ни кремлевские медики, ни санэпидемстанция. Жизнь есть жизнь.

На площадке, чуть повыше пляжа, стоял небольшой дощатый окрашенный в голубой цвет душевой павильончик. С моря он выглядел абсолютно мирным и безобидным, в Ялте в них торговали всякой всячиной. Пляж с моря не охраняли, и весельные лодки с ничего не подозревавшими парочками нередко подплывали к берегу, рассчитывая найти в голубой будке продавца газированной воды или мороженого. «Охота» на отдыхающих стала любимым развлечением пребывающих в безделье офицеров охраны. По всем правилам игры они не обнаруживали себя раньше времени, и только когда облаченные в купальники и плавки жертвы, вытащив свои лодки на покрывавшую берег гальку, направлялись к павильончику, у них на пути возникал одетый по полной форме лейтенант и требовал документы. Документов не оказывалось, мало кто, отправляясь на пляж, берет с собой паспорт. Охранник тут же, по телефону, спрятанному в кустах в металлическом ящике, докладывал дежурному о

«происшествии». Примерно через полчаса на виллисе приезжал старший по смене, обычно в майорском чине и в сопровождении пары помощников. Начиналось выяснение обстоятельств проникновения нарушителей на «объект». Причем, какой объект, естественно, им не говорили. Незадачливых любителей мороженого охватывал ужас, времена стояли «сталинские», и за проникновение на запретную территорию карали жестко. Наразвлекавшись, охранники грузили полуголых беспаспортных «нарушителей» в открытый виллис и в таком виде (тогда появление городе в купальнике считалось верхом неприличия) отвозили в ялтинскую милицию. На этом приключение заканчивалось, все затевалось ради этой поездки по городу. В милиции вновь требовали отсутствующие документы, за ними приходилось в плавках и купальнике идти через весь город, теперь уже в сопровождении милиционера, который выбирал улицы полуднее. Документы оказывались в порядке, и «нарушителей» отпускали с миром. Теперь им предстояло путешествие снова через весь город уже без сопровождения на пляж за одеждой и выяснение отношений с лодочной станцией. Лодки с «объекта» возвращали не сразу, перевернутые вверх днищем, они подолгу лежали у душевого павильона.

Ливадийская дача после войны почти все время пустовала, Сталин предпочитал отдыхать в Сочи. Наше появление охранники восприняли тоже как развлечение и, как умели, проявляли гостеприимство. Когда я по неопытности перегрелся на солнце, комендант дачи своей властью перевел меня на несколько дней в сталинский дворец, там было прохладнее. Придя в себя, я бродил по царским покоям, сидел за столом, где проходила Ялтинская конференция четырех державсоюзников, болтал босыми пятками в мраморных фонтанчиках во внутреннем дворике. За этим занятием меня застал комендант и, заключив, что я уже поправился, отправил «домой», в свитский корпус.

Так случилось, что в то же лето Сталин отправил отдыхать в Ливадию и свою дочь Светлану с ее новым мужем Юрием Ждановым. Они, как и мы, жили в свитском корпусе, но в соседнем подъезде. С ними мы практически не общались, подойти первыми не решались, а Светлана с Юрой не проявляли к нам никакого интереса. На пляже нас тоже разместили на значительном отдалении друг от друга. Встречались мы только на волейбольной площадке. В волейбол на госдачах играли регулярно, все вместе: охраняемые вперемешку с охраной. Играли и в Ливадии. Светлана с Юрой приходили нечасто, а отыграв, тут же удалялись к себе. Так мы с ними и не познакомились.

Теперь Сталин умер. Отец провел решение Президиума ЦК о возвращении Ливадийского, Воронцовского и Юсуповского дворцов народу. В них снова попытались устроить дома отдыха, но ни планировка, ни драгоценная деревянная облицовка стен, ни старинная мебель, ни парковые скульптуры не отвечали такому их предназначению. Профсоюзы, в чье распоряжение попали дворцы, просили избавить их от обузы. Дворцы-санатории преобразовали в музеи.

Взамен дворцов, внизу под Ливадийским дворцом, у самого пляжа, построили две совершенно одинаковые, весьма скромные как по царским, так и по нынешним меркам, двухэтажные, облицованные белым песчаником, госдачи № 1 и № 2.

В 1955 году отец с мамой и моей сестрой Радой заняли дачу № 1. Я, студент-третьекурсник, поехать с ними из-за занятий не мог. В соседнюю дачу № 2 вселился Микоян с женой Ашхен Лазаревной. Отец с Микояном ежедневно гуляли по так называемой царской тропе — пешеходной дорожке, проложенной для Николая Второго его двоюродным дядей Александром Михайловичем по территории принадлежавшего ему имения Ай-Тодор, простиравшегося от Ливадии почти до Мисхора, а затем устраивались под полотняным грибком на пляже, читали документы, каждый из своей папки, о чем-то разговаривали. Они хорошо понимали друг друга и находили удовольствие в общении. Тон обычно задавал отец, Микоян поддакивал, изредка сомневался. В результате такой, как говорил отец «вольной» беседы, рождались записки, рассылавшиеся другим членам Президиума ЦК. Разделавшись с делами,

С. Н. Хрущев. «Никита Хрущев. Реформатор»

они вместе обедали, после обеда вместе принимали посетителей, чаще всего чиновников, приезжавших из Москвы с пухлыми от бумаг чемоданами. Отпуск – любимое отцом время для обсуждения серьезных проблем, здесь не так заедает каждодневная рутина.